

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82

РЕЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЁВА

© 2012 г.

Е.В. Никольский

Московский госуниверситет геодезии и картографии

eugenius-08@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.09.2011

Рассмотрено восприятие Всеволодом Соловьёвым личности императора Павла. Проанализирована попытка писателя создать художественную апологию монархии в художественной прозе и оправдать императора Павла, не скрывая отрицательных черт его личности, перед историей и потомками.

Ключевые слова: исторический роман, XVIII век, Российская империя, справедливый правитель, государь Павел, апология монархии, проблема идеального монарха.

При анализе рецепции личности императора Павла в творчестве Всеволода Соловьёва стоит специально отметить, что никому из государей в нашей истории не досталось так много незаслуженных посмертных инсинуаций, как Павлу I. Поколения наших соотечественников смотрели на царствование императора Павла через призму картины Александра Бенуа «Парад при Павле I» и повести Юрия Тынянова «Подпоручик Киж». Однако эти произведения дают нам не портрет эпохи, а карикатуру на неё. Историография павловского правления, насчитывающая 200 лет, столь же сложна, как само царствование Павла I¹. «Русским Гамлетом» называли императора Павла современники за некоторое биографическое сходство с героем шекспировской трагедии, «русским Дон Кихотом» – за рыцарскую натуру, стремление к идеалу чести и справедливости. Император Павел I – одна из самых противоречивых и неоднозначных фигур в истории России. И среди современников, и среди потомков не было единого мнения в оценке его правления. Одни считали его сумасшедшим тираном, строящим свою политику скорее на безумных порывах, чем на подлинной заинтересованности в процветании своего государства; другие – напротив, демократичным монархом, многие начинания которого были своевременны и полезны для России и чья противоречивость происходила из более чем драматических обстоятельств его детства и юности: отсутствие родительской ласки, изолированность от сверстников, холодные отношения с родной матерью, ее участие в заговоре против отца и другие.

Вплоть до начала XX в. историки касаются событий конца XVIII столетия лишь попутно, изучая финансовую и сословную политику, военную историю России, ряд других вопросов, а также в рамках общих курсов истории страны. Но уже в первые десятилетия XIX в. складываются две противоположные – критическая и апологетическая – точки зрения на личность императора. Одна точка зрения предложена в «Записке о древней и новой России» Н.М. Карамзина, «Вольности» Пушкина, другая — в работах 1805 г.: «Жизнь Павла императора и самодержца всероссийского» В.С. Кряжева и анонимном издании «Жизнь, свойства и политические деяния императора Павла I...». Своеобразную оценку получает у писателя-монархиста Всеволода Сергеевича Соловьёва (1849–1903) государь Павел Первый.

В своем кратком очерке о романисте его племянник о. Сергей Соловьёв писал, что писатель был «монархистом без рассуждения»² [1, с. 19]. Понятие «монархия», «самодержавие», «император» были священны для Всеволода Соловьёва; для него всё это было не просто модой, желанием сделать придворную карьеру, а искренним чувством благоговения, которое испытывает благородный дворянин перед своим сюзереном. Как писал о. Сергей Соловьёв, «Всеволод Сергеевич был совсем из другого материала, чем его отец и братья. И, может быть, только он воспринимал русское Православие в его восточной стихии, с «царем-батюшкой», с полной пассивностью, смирением, сознанием коренной порчи человеческой

натуры, бессилия личности перед судьбой и надеждой на милосердие Божие» [1, с. 23].

Такие взгляды писателя обусловили тематические предпочтения в его творчестве. Перу Всеволода Соловьёва принадлежат 14 исторических романов, в которых он описал как политические деяния, так и личную жизнь представителей царствовавшей в России династии Романовых, а также их сподвижников и фаворитов. Писатель, будучи искренним монархистом, в своих произведениях с любовью и симпатией создавал образы русских и европейских королевских особ. Одним из ярких образов подобного рода стал образ **императора Павла Первого**. Нельзя забывать и о том, что Всеволод Соловьёв, благодаря авторитету и связям отца, получил практически неограниченный доступ в крупнейшие архивохранилища страны. И не случайно многие его романы основаны не только на первоклассной для своего времени исторической литературе, но и на редчайших архивных материалах. Так, Вс. Соловьёв, благодаря авторитету своего отца и собственным придворным связям, стал одним из первых, кто получил в пользование для научного исследования частную переписку Павла I. И именно ей, видимо, обязан во многом своим увлечением государем, которое заметно в его произведениях.

Вопреки традиционному мнению, несмотря на популярные в то время анекдоты про «сумасшедшего царя» и отрицательное отношение современников к Павлу, писатель изображает императора в светлых тонах, человеком благородным и высокодуховным, что, по-видимому, было близко к реальности, т. к. до революции ставился вопрос о канонизации убиенного императора. При создании образа государя Соловьёв опирался и на обширную литературу 1860-х — начала 1880-х гг., значительно расширившую источниковую базу за счёт публикаций в журналах «Русский архив», «Русская старина». В своих произведениях романист описал императора Павла I с явной симпатией (это особенно заметно при сопоставлении романов с научными и популярными работами, например: Н.К. Шильдер «Император Павел Первый» (М., 1901); князь Г. Оболенский «Император Павел Первый» (М., 2001); граф Ф. Головкин «Двор и царствование Павла» (Париж, 2001; М., 2003); Анри Труайя «Павел Первый» (М., 2005) и другие).

Образ Павла Первого присутствует в произведениях Всеволода Соловьёва «Сергей Горбатов», «Вольтерьянец», составляющих первые части романа-пентологии «Хроника четырех поколений», и в нравоописательной исторической повести «Монах поневоле».

Впервые император Павел предстает перед читателем в XXI главе романа «Сергей Горбатов». Соловьёв дает следующее описание внешности героя: «Он был далеко еще не стар, лет тридцати пяти, не больше; но на его выпуклом большом лбу уже легли преждевременные морщины. Лицо его было поразительно: он был дурен, с маленьким, очень вздернутым носом, далеко стоявшем от верхней губы; большой рот его то и дело принимал неприятное, презрительное выражение. Одни только глаза, большие, синие и глубокие, скрашивали это некрасивое лицо. Эти глаза были чрезвычайно выразительны, пронизательны, и в то же время что-то мечтательное, задумчивое и грустное в них светилось» [2, с. 120]. И тут же писатель обозначает определенную нервозность: «Он стоял неподвижно, опершись одной рукой на шпагу, а другой перебирая пуговицы», когда Сергей Горбатов некстати поклонился ему, Павел «слегка вздрогнул, будто приходя в себя» [2 с. 120]. Здесь автор показывает, что обидчивость цесаревича — следствие его болезненности.

В следующей главе «Нежданный друг», дается более подробная характеристика наследника российского престола и описывается впечатление, которое мог произвести Павел в общении с другими людьми: «...приезжие из Петербурга рассказывают много прекрасных черт его характера, рассказывают про его благородство, его находчивость и остроумие. Говорят, он много работает, всегда занят» [2, с. 124]. И неудивительно, что юный Горбатов проникся дружеской симпатией к цесаревичу: «О, это наверное, великая, страдающая и непонятная душа!» [2, с. 126]. Так характеризует Сергей Горбатов наследника престола. Когда Сергей приезжает в Гатчину, становится невольным свидетелем беседы Павла с Екатериной Нелидовой, когда тот был в сильном раздражении после оскорбительного приема у князя Потемкина. Эта сцена показывает, в каком унижительном положении приходилось находиться великому князю в то время. Далее Павел отчитывает офицера за неудачное проведение учебного маневра, но узнав, что причиной его рассеянности была болезнь матери и переживания за ее судьбу, цесаревич выдает ему деньги и отпускает проводить ее, что потрясло главного героя и еще больше расположило его к Павлу.

В романе «Сергей Горбатов» особое место занимает отношение автора к французской революции. Известно, что Всеволод Сергеевич Соловьёв был традиционалистом и считал реформы и эволюционное развитие более адекватными и предпочтительными для всех типов обществ, чем революционные бури. Цесаревич

в романе становится резонером писателя. Так, прощаясь с Сергеем Горбатовым, отъезжающим по заданию императрицы в Париж, цесаревич напутствует своего друга: «Поезжай с Богом... будь осторожен и... Боже тебя сохрани увлечься какой-нибудь сумасбродной преступной идеей, каких теперь так много во Франции. Помни, что благо человечества не в насильственных действиях, не в разрушении существующего порядка, а единственно во внутренней борьбе каждого человека с самим собой, со своими дурными наклонностями, дурными страстями. Правда и счастье не могут быть достигнуты дурными средствами, всякая капля крови влечет за собой только неправду и горе» [3, с. 176].

При описании французского двора, в том числе частной жизни королевской четы, Всеволод Соловьёв намеренно не оценивает их политическую деятельность и показывает только их личные качества. Это можно увидеть и в словах Павла: «Король Людовик – это воплощенная доброта и благородство; королева – грация, ум, таланты <...> Король вообразил, что может действовать на зверя своей кротостью, своим благородством, но ведь зверь бессмыслен, высоких чувств не понимает... Королева вообразила, что она может укротить зверя своей смелостью, энергией; вошла в клетку безоружная, полагаясь только на силу своего гордого, самоуверенного взгляда, вошла как убежденный в своем влиянии укротитель; но зверь через чур голоден, он растерзает ее на части, как часто растерзывает самоуверенных укротителей...» [2, с. 145], – говорит Павел, характеризуя Людовика и Марию Антуаннету и давая оценку самой революции в столь нелестном сравнении. «Во времена крайней распущенности нравов, извращенности нравственных понятий, почти всеобщего падения высоких чувств души человеческой Людовик XVI бесспорно был самым лучшим человеком Франции. Скромный, чистосердечный, только и мечтавший, что о благе народа, способный забывать себя о себе и ограничиваться очень малым – он мог быть признан образцом доброго человека, семьянина и даже короля, но только не в такое время, когда от короля требовалось много энергии, силы воли и предусмотрительности...» [2, с. 205] – так описывает короля Всеволод Соловьёв.

Единодушие между авторским взглядом и позицией, занимаемой героем его произведения, цесаревичем Павлом, прослеживается и в оценке революции: она представляется в романе не чем иным, как всеобщим озверением, моральным падением французской нации. Павел считает, что истинное благо человечества может быть достигнуто не насильственным преступ-

ным путем, который ведет только к разрушению, неправде и горю, а только лишь внутренней борьбой каждого человека с самим собою. Автор показывает великого князя как мудрого и проникательного человека. Павел прозорлив: ему снятся вещие сны, он часто полагается на свою интуицию, и предчувствия его не обманывают. Так было с Францией, и с проектом замужества великой княжны Александры, и со смертью императрицы Екатерины. Но при этом Павел не суеверен – он религиозен, набожен. Например, когда шведский король нанес оскорбление России, он был единственным, кто не поддавался отчаянию, находил опору в вере. «Все было тихо. Императрица сидела неподвижно, с лицом будто окаменевшим, только грудь ее высоко и нервно поднималась. Великая княгиня тихо и горько плакала, закрыв лицо руками. Цесаревич стоял за креслом матери – бледное, с трясущимися губами лицо его было страшно... Он опустил глаза, склонил голову. Он нашел в себе силы для молитвы, которая всегда подкрепляла его в трудные минуты...» [2, с. 528]. И в момент сомнения, колебаний, когда ему нужно было занять свое законное место на российском престоле, он рассуждает как истинный христианин и просит у Бога поддержки: «Да будет воля Божья надо мною, а я должен нести крест свой и понесу его, не заглядывая, что ожидает меня на пути моем!» [3, с. 81]. Этим автор показал доверие Павла к Богу и веру будущего императора в свое высокое предназначение. Взойдя на престол, Павел размышляет, готов ли он нести это бремя, по плечу ли ему эта ноша, не слишком ли поздно он пришел к этому, достоин ли он? И он чувствует, что нашел ответ: «Мало-помалу трепет и страх за будущее, неуверенность в своих силах отходили, являлось спокойствие. Широкое чувство наполняло Павла, в нем заговорили все заветные стороны души его, в нем выступал в полном блеске последний истинный рыцарь, честный и бесстрашный, бьющийся за правду. Мало-помалу все грезы, которыми он наполнял однообразные дни гатчинского досуга, возвращались и улыбались ему. Приходили на ум все планы государственного устройства и внутренней политики, которые он разрабатывал вдали от действительной жизни, в тишине своего гатчинского кабинета: «Нет, не даром прожиты эти годы! – решил он. – Все же многое подготовлено» [3, с. 80].

Удивительно отношение Павла к своим врагам и вообще к должностным преступникам. Придя к власти, он не хочет показательных расправ, ссылок и опал, напротив, он всего лишь лишает их власти, которой они злоупотребляли, наказания носят скорее моральный или назидатель-

тельный характер. Так, например, была весьма комичная ситуация с генерал-губернатором Петербурга, Николаем Петровичем Архаровым. Когда тот исколотил купца, которому задолжал приличную сумму денег, государь, правда, его не отстранил от должности (в этот раз), но урок преподал ему хороший, заставив прочитать вслух на разводе перед офицерами прошение от пострадавшего. Особенно замечательно получилось у императора разобраться с депутацией купцов: он не стал напрямую приказывать или угрожать им; и несмотря на то что был рассержен, он сдержался и обратился к их чувству преданности, сумел убедить их очень тонким дипломатичным способом.

И в то же время были случаи, когда офицеры лишались чина только лишь за нарушение установленного режима. Так же иногда и милосердие Павла было чрезмерным и, возможно, неоправданным: он поступал мягко с преступниками (как было с Зубовым) или чрезмерно щедро одаривал заслуженных людей, явно превышая степень их заслуг своими милостями. Впрочем, эта чрезмерность как свойство его натуры показана в произведениях Соловьева скорее как слабость, нежели достоинство: «...он неудержимо стремится расточать свои милости как достойным их, так и недостойным. Знаете ли вы, что в это время раздарены направо и налево десятки тысяч крестьян, богатейшие земли, лучшие имения? Если он начнет кого-нибудь награждать, то ему трудно уже остановиться. Он теряет всему меру» [3, с. 118]. Были и такие случаи, когда император Павел явно перегибал палку, чересчур сурово наказывая за пустяковые нарушения: «Он сам, вследствие своей болезненной раздражительности, которая усиливалась в нем с каждым годом, был способен на быстрое необдуманное решение, но стоило этой раздражительности утихнуть, стоило его гневу пройти (а гнев его проходил быстро), и он тотчас же сознавал ошибку и спешил ее исправить. Перед ним всегда стоял идеал справедливости, которому он страстно поклонялся» [3 с. 20]. Отчасти именно это качество – страстная чрезмерность – станет своего рода катализатором расстройств здоровья императора Павла. Но как бы ни было парадоксально, великий князь (пусть не всегда осознанно и даже пассивно) дает урок своему окружению. «И если станет очень тяжело, если увидишь пустоту и ничтожество глумящихся над тобою, вспомни только об этом человеке, – и ты непременно должен будешь успокоиться. Он подвергается тому же, чему ты боишься быть подвергнутым, он воистину подает всем нам великий пример долготерпения и христианского смирения, и если это не хотят видеть, тем

хуже только для тех, кто не видит», – приводит племяннику в пример цесаревича Лев Александрович Нарышкин [3 с. 384].

Соловьёв, раскрывая различные грани личности Павла, последователен. Если в романе «Сергей Горбатов» читатель только знакомится с Павлом и тот фигурирует лишь в первой части, то наиболее полно раскрывается этот персонаж в романе «Вольтерьянец». Например, в главе «Добрый волшебник» Павел берется поправить давно расстроенное Горбатовым дело, а именно женитьбу на княжне Татьяне Пересветовой. Его мотивация проста: он любит Сергея и Татьяну и хочет, чтобы они были счастливы, но не желает, чтобы Горбатову все удалось слишком легко: ему нужно, чтобы тот провел «работу над ошибками» и сделал правильные выводы, чего, собственно, цесаревичу и удалось добиться. При этом сам Павел глубоко несчастлив, и он понимает это, отчего ему становится еще тяжелее: «Но ведь он знал, что не на счастье дана ему; он знал, что эта жизнь – тяжкое бремя, и он должен нести его со смирением до последней минуты» [3, с. 81]. Осознавая, что ему самому счастье не предназначено, Павел стремится наполнить отрадой жизнь своих близких. «Его сердце способно было чутко понимать такие тонкости, которые были совсем недоступны для многих людей, всегда спокойных, считающихся добрыми и справедливыми. При этом почти всю жизнь, чувствуя себя несчастливым, он пуше всего любил быть устройтелем чужого счастья. Внезапная радость на человеческом лице, за минуту перед тем грустным и страдающим, радость, причиною которой был он, составляла его любимое зрелище, и вот, когда ему предстояло доставить себе такое зрелище, он забывал все собственные тревоги и заботы, отгонял свои мрачные мысли, входил в чужую жизнь и деятельно работал над благом ближнего» [3, с. 20].

Другой положительной чертой государя является его трудолюбие. Павел привык много работать, он еще в Гатчине приучил себя к трудовой дисциплине, и при этом для себя ему нужно было немного. Но, став императором, Павел стал работать еще больше, и трудности, с которыми ему приходилось сталкиваться почти на каждом шагу, только усиливали его усердие. Между тем его намерения либо высмеивались, либо неправильно истолковывались, и многие люди буквально доводили его приказы до абсурда, что еще больше раздражало императора. Павел непрестанно работал, он хотел изменить все и в первую очередь атмосферу беспечности, безделья, которая царил в ту эпоху, и только истощал свои внутренние силы: «Дело кипело в

руках его, и он не замечал, что поставил себе невыполнимую задачу, что силы человеческие ограничены и требуют для плодотворности работы, для ее полной успешности и крепости систематизации в работе, требуют спокойствия и необходимого отдыха, во время которого пополнилась бы затрата этих сил. Он не думал об этом. Он чувствовал, что честно исполняет свое призвание. В его голове роились великие мысли, обширные планы. В его сердце кипело страстное, горячее чувство стремления ко всеобщему благу. Ему казалось, что в нем достаточно сил, и не замечал он утомления. Нервное свое возбуждение он принимал за признак силы, он не видел, как каждый новый день этой лихорадочной деятельности оставлял на нем печать свою. Его волосы вылезали, морщины одна за другой появлялись на лице его, стан сгорбливался. Иногда, несмотря на привычку не поддаваться слабости, не замечать болезненных ощущений своего организма, он вдруг, после какого-нибудь чрезмерного умственного напряжения, испытывал полный упадок сил... «Что это, что это со мною? – с ужасом думал он. – Вздор, пустяки, не следует только поддаваться!..» И он, в то время как его неудержимо тянуло к отдыху и покою, снова принимался за работу, делал над собой страшные усилия – и нервы снова напрягались, и снова казалось ему, что он силен и бодр. А между тем эта постоянная смена впечатлений, постоянная смена мыслей, переходя от одного предмета к другому, оказывали свои последствия, не принося того результата, на который он рассчитывал» [3 с. 160].

Такие люди, как Павел, нуждаются в постоянной поддержке. В романах Вс. Соловьёва такую поддержку государю оказывали его жена, Великая княгиня (а позже и императрица) Мария Федоровна, и Екатерина Нелидова, близкий друг. Именно эти две женщины помогали Павлу бороться с болезненностью, и если полностью победить ее не было никакой возможности, то ослабить оказываемое ею действие им вполне удавалось, хотя и не всегда. Именно Мария Федоровна с Нелидовой избавляли государя иногда от неверных решений и ошибок, как, например, было в ситуации, когда Павел хотел упразднить орден святого Георгия Победоносца. Но даже эти отношения – их дружбу – некоторые недоброжелательные люди пытались разрушить и в качестве средства использовали весьма популярное в то время оружие – клевету, слухи, намекающие на якобы некоторую порочную связь между Павлом, тогда еще цесаревичем, и Екатериной Нелидовой. Так ей пришлось удалиться в Смольный монастырь. Когда Павел, уже будучи императором, предложил ей

жить при дворе и тем самым оказать ему весьма ценную услугу, она отказалась, руководствуясь соображениями чести августейшей фамилии, да и вреда бы ее присутствие (на ее взгляд) при императоре принесло бы больше, чем пользы.

Вс. Соловьёв описывает императора Павла как частное лицо, нежели как историческую фигуру, хотя и не оставляет совсем его деятельность без исторической оценки, так как связь между личностью монарха и жизнью империи более чем очевидна. Стоит отметить, что эта оценка хотя и положительна, но неоднозначна, как, собственно, и сама личность императора. Павел пытается решить многие проблемы людей того времени. Он хочет показать своим личным примером, как нужно жить и трудиться. По своей рыцарской, донкихотской натуре он борется за общее благо и ставит идеал справедливости выше всего: «Да, все боялись императора, а он хотел именно одного, чтобы его не боялись порядочные люди, чтобы его боялись только негодяи и изменники. Император уже сам начал замечать это производимое им впечатление, и ничто так не мучило его, ничто так не раздражало, как этот бессмысленный страх» [3, с. 84]. И опять он сталкивается с непониманием, и это делает его еще несчастнее, еще сильнее дает почувствовать, как он одинок. Этим пробуждается у читателя сочувствие к государю. Соловьёв стремился вызвать и симпатию к монарху, последовательно изображая свойства его личности, например, широкую образованность.

Павел – один из умнейших людей того времени, в большинстве его начинаний прослеживается разумное начало, и Соловьёв это подчеркивает: «Что намерения и планы государя, его основные мысли, принятые им решения были в большинстве случаев мудры – история приводит тому достаточные доказательства. Он отчетливо и ясно видел зло, меры его были решительны и, если бы применялись спокойно и последовательно, то приносили бы огромную пользу» [3, с. 160]. Однако зачастую Павел проявляет непоследовательность и даже мелочность. Всеволод Соловьёв критикует его за это, но дает понять, что государь стал таким не из-за дурного нрава, а из-за враждебности по отношению к нему и из-за врожденной болезненности.

Соловьёв не оставляет без внимания и отношение простого народа к императору. Особенно ярко выражено это через описание будней слуги Горбатовых, карлика Моськи: «... в низших классах, среди которых он, главным образом, вращался, и в большом доме Горбатова, и во время своих ежедневных прогулок по городу, он слышал пока только одобрение поступков

нового императора. О нем передавались многие анекдоты, иногда основанные на действительном случае, иногда выдуманные неизвестно кем, прошедшие целый ряд всевозможных вариантов. Из этих анекдотов и рассказов вырастал своеобразный образ гонителя всякой неправды, всякого зла, любителя прямоты и правды, образ, милый русскому народу» [3, с. 141]. Простым людям нужен был герой-заступник, и Павел, по мнению Вс. Соловьёва, сумел им стать.

Кем же был император Павел на самом деле? Всеволод Соловьёв изображает его как одинокого страдальца и непонятого мечтателя, который заботился только о благе России, но так и не смог реализовать все свои возможности из-за болезненной натуры, сложившейся при печальных обстоятельствах, которые преследовали его всю жизнь: «Прошлое не остается бесследно, обстоятельства его жизни развили в нем эти свойства. Я всегда думала, что если бы у него была другая молодость, если бы он воспитался и созрел при иных обстоятельствах – какой бы изумительный пример совершеннейшего государя представил он миру!» [3, с. 116] – так характеризует императора Екатерина Нелидова, одна из ближайших его друзей. Сам же Вс. Соловьёв сравнивает деятельность Павла с правлением Петра Великого: «Так работали деды и прадеды тогдашних людей в дни величайшего из русских работников, который сам рук не покладая шел вперед и заставлял догонять себя русских людей» [3, с. 162]. Но «деды и прадеды тогдашних людей» не были так избалованы и ослеплены ореолом былой славы, и император Павел остался один против пороков тогдашней России.

Всеволод Сергеевич Соловьёв, детально изучавший материал павловского правления, в своем романе проводит мысль о том, что император, желая изменить сущность своей эпохи, недооценил свои силы и пал жертвой заговора, претворённого в жизнь врагами христианской веры и Российской империи.

О кончине Павла писатель рассказывает так: «... страстное, благодарное сердце непонятого труженика-страдальца успокоилось навеки. Мало кто оплакивал знаменитую мрачную судьбу его. Всё добро, которое в нём вмещалось, на глазах людей превращалось в зло» [3, с. 321].

Но в то же время Павел в трактовке Соловьёва обладал многими непривлекательными чертами, которые сформировались в детстве как плод неправильного воспитания, поэтому писатель оправдывает цесаревича, объясняет негативные черты его личности. Соловьёв не идеа-

лизирует Павла, показывая подозрительность и взрывной характер будущего императора.

Свои «...художественные произведения Соловьёв создавал в соответствии с запросами читателя. Все они преследовали просветительскую цель: рассказать о каком-то периоде в истории России, о правителях и их приближенных, о быте и нравах того времени, хотя «история» Соловьёва, невзирая на стремление к достоверности, предполагала и наличие определённой тенденции, автор пытался оправдать императора в глазах потомков» [4, с. 17]. Незадолго до смерти романист признался в беседе с критиком А.И. Измайловым: «Именно из этих документов я вынес своё, а не иное освещение Павла, за пристрастие к которому меня упрекают» [5, с. 463].

Итак, образ Павла Петровича освещён Всеволодом Соловьёвым преимущественно положительно (хотя и критические аспекты тоже наличествуют), на наш взгляд, такая художественная стратегия автора вызвана его желанием не только создать апологию монархии в своих произведениях, но и подчеркнуть лучшие стороны такого неординарного человека, как государь Павел.

Примечания

1. Интересно отметить, что и сама степень изученности павловской темы отнюдь не велика. Историография бедна исследованиями по данной проблеме. Вполне возможно, что это обусловлено недооценкой эпохи Павла I и его реформаторской деятельности. В ходе работы мы встретили учебники по истории отечества, в которых напрочь игнорируется само имя Павла (Рыбаков Б.А. История СССР. М., 1991). Четыре с небольшим года царствования Павла I – самый сложный период его биографии, и на этих событиях сконцентрировались писатели, историки и публицисты. Анализ реформ императора во многих сочинениях XIX–XX вв. подменялся правдоподобными анекдотами; более серьезные исследователи отмечают своевременность и целесообразность многих начинаний Павла I в области внутренней и внешней политики, видят определенную систему мер там, где недоброжелатели императора усматривают лишь нагромождение бессмысленных распоряжений. Со временем такие необоснованные оценки претерпели сильную эволюцию, которая продолжается и по сей день. Как всякий сколь-нибудь значительный государственный деятель, Павел прожил две жизни: одну реальную, вторую историографическую: в умах людей, в научных исследованиях, в художественной литературе.

2. Однако данное весьма краткое высказывание дает лишь самую общую характеристику его взглядов. Более подробно Всеволод Сергеевич Соловьёв раскрыл свои позиции в одной из брошюр, изданной по случаю коронации Александра Третьего. Писатель не присутствовал на этом торжестве, но всей душой отозвался на произошедшее событие, что подвигло его в том же году издать небольшую книжечку «Москва 15 мая 1883 года» (с подзаголовком «Обращение к детям»), в которой он искренне и открыто высказал свои монархические воззрения. Романист, в частности, писал: «Народ служит Царю, а Царь служит народу, и царское служение – самое великое, самое многотрудное, какое только может выпасть на долю человека. Вся жизнь монарха – должна быть постоянной, неослабевающей заботой о добре и пользе для народа, для подданных, на которых Царь смотрит как на родных своих детей. И эти десятки миллионов русских людей должны находить у Царя неизменную правду, любовь и милость» [6, с. 8]. Писатель считал, что только Бог может дать человеку силу и мудрость для несения царского служения и поэтому глубокая вера самого самодержца (в дан-

ном случае – Александра III) в силу божественной благодати, принимаемой во время священного таинства коронации, и молитвы Православной церкви способствует благополучию императора и процветанию отчизны.

Список литературы

1. Соловьёв С. М. Владимир Соловьёв, жизнь и творческая эволюция. М.: Русский путь, 1997. 370 с.
2. Соловьёв Вс. С. Хроника четырех поколений: В 2 т. Т. 1. Сергей Горбатов. Вольтерьянец М.: Пресса, 1994. 545 с.
3. Соловьёв Вс. С. Хроника четырех поколений: В 2 т. Т. 2. Вольтерьянец. Старый Дом. М.: Пресса, 1994. 575 с.
4. Васильева С.А. Творчество Всеволода Соловьёва как явление массовой литературы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь. Изд-во Тверского ун-та, 2009. 35 с.
5. Измайлов А.И. Литературный Олимп. М., 1911. 538 с.
6. Соловьёв Вс. С. Москва 15 мая 1883 года. СПб., 1883. 15 с.

RECEPTION OF THE PERSON OF THE EMPEROR PAUL IN V. SOLOVYOV'S HISTORICAL PROSE

E. V. Nikolsky

The article deals with the perception of the personality of the Emperor Paul by Vsevolod Solovyov. We analyze the writer's attempt to create an artistic apology of the monarchy in fiction and to justify the Emperor Paul, while being quite explicit about his negative personality traits.

Keywords: historical novel, 18th century, the Russian Empire, the Emperor Paul, apology of the monarchy, the problem of the ideal monarch.